

18+

Брѣсны

п_и_р_а_н_у_а

р_і_г_а_п_у_а

Блѣсны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57283735

ISBN 9785005126474

Аннотация

Васечкина занималась в зале так усердно, будто от этого зависела её жизнь. Счастливая семейная жизнь рушится, муж всё чаще вместо вечеров с красивой женой выбирает посиделки у озера с удочкой. Что теперь думать? Может Ирка, лучшая подруга, поможет? От их совместных посиделок всегда становилось легче. Васечкина надеялась и в этот раз развеяться, но обнаружила у подруги на балконе знакомую спортивную сумку с блѣснами... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Васечкина	5
Кирилл	9
Блёсны	14
Голубое небо февраля	17
Воздуха!	19
Отличная новость	21
Случайная встреча	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Блёсны

p_i_r_a_n_y_a

Иллюстратор p_i_r_a_n_y_a

© p_i_r_a_n_y_a, 2021

© p_i_r_a_n_y_a, иллюстрации, 2021

ISBN 978-5-0051-2647-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Васечкина

Васечкина в задумчивости стояла перед огромным зеркалом в любимом фитнес-центре. «Ну что, что со мной не так?! – гоняла она одну и ту же мысль по кругу. – Жопы – во, сиськи – во, живот – тоже во, в смысле, да нет никакого живота; и вообще фигура – хоть сейчас иди на конкурс бикинисток, ходи в купальнике красивая по языку, сверкай в свете софитов маслом и стразами, хлопай ресницами, отклячивай перед судьями жопу, чтоб забыли, что надо судить и думали, как бы вдуть... Эх, только муж против, мол, нечего порядочной замужней женщине перед посторонними мужиками жопой вертеть, учись лучше борщ варить, да и о детях давно задуматься пора...»

Васечкина, как всякая нормальная женщина, иногда, конечно, задумывалась о детях, особенно, когда видела мельком по телевизору идеальные семьи в рекламе майонеза (вкус, которого, кстати, давно и безнадежно забыт). Только кто этих детей будет заводить, да воспитывать, если муж всю неделю то готовится к рыбалке, то сам на рыбалке, то только что приехал с рыбалки и устал, а сама Васечкина все вечера пропадает в своём спортзале, тягает это чёртово железо, пытаясь прокачать видимые и невидимые народу мышцы до такого совершенства, чтоб её собственный родной муж вечера и выходные предпочитал бы проводить с ней, с Васечки-

ной, в их уютной и тёплой квартире, а не на промозглом берегу с бездушной удочкой и скользкими вонючими рыбами в кругу таких же заядлых рыбаков, с упорством, достойным лучшего применения, сбегаящим на речку от своих благоверных. Но, вопреки увещаниям глянцевого журналов, чем ближе к совершенству становилась фигура Васечкиной, тем больше времени проводил на рыбалке её законный супруг, а как выбраться из этого порочного круга, глянец подсказать не мог, потому что в его идеально отфотошопленном мире такой сценарий в принципе не был предусмотрен. «Нажми на кнопку – получишь результат», – обещает нам навязчивая реклама, вот только результат часто слишком далёк от желаемого: вот Васечкина, например, почти идеальный образчик современной девушки с обложки, только вот ни семейного, ни простого какого-нибудь бабского счастья типа «был бы милый рядом» ей это так и не принесло...

«Тааааак, и чо мы тут красуемся стоим? Кардио закончила – бегом на силовые!» – раздался за спиной знакомый фальцет. Фальцетом разговаривал Кирилл – огромный шкафина с грудой мышц явно стероидного происхождения и кулаками размером с детскую голову – персональный тренер Васечкиной. Очень крутой и дорогой, между прочим. У Васечкиной всё было самое крутое и дорогое. Его квадры бедра были так раскачаны, что ноги давно забыли, что такое стоять вместе, а руки, если не были отягощены в конкретный момент гантелями или штангой, всё время будто слегка взле-

тали от внезапной невыносимой лёгкости, поэтому и стоял этот парень, и ходил в исходной позиции «ноги на ширине плеч, руки вниз и в стороны». Кирилл вообще производил впечатление огромного и грозного брутала, пока, конечно, не открывал рот. А когда он начинал говорить, то все вокруг растекались в невольных улыбках – такой разительный контраст был между его brutальной внешностью, тоненьким голосочком и грозной речью.

Васечкина вспомнила, как её подружка Ирка, видевшая Кирилла только на рекламных щитах фитнес-клуба, советовала ей обязательно переспать с тренером, «чтоб отвлечься от семейных проблем», и, наконец, впервые за эти несколько дней, улыбнулась. Она просто представила, что эта громадина шепчет ей в постели нежности своим фальцетом, и то, что должно было быть эротическими фантазиями, немедленно превратилось в цирк. «Нееееееееет, секса у нас с Кириллом точно не будет, – решила Васечкина, – какой там секс, я ж буду истерически ржать до, после, а главное – во время! Хотя... Что там... Можно подумать – он предлагает, вон муж-то от супружеского долга бежит, как от огня, а тут – сам Кирилл, мечта всех гламурных кис района...» Девушка вздохнула и обречённо поплелась к штанге. Кирилл привычно взялся было страховать, но быстро вернул штангу на место. «Э, мать, да ты что, плакала? Почему глаза такие опухшие? Ну-ка, быстро рассказывай, что там у тебя стряслось?» «Плакала, – кивнула Васечкина, – представляешь, я свое-

му на 23 февраля подарила набор блёсен. Хорошие блёсны, японские, дорогие...", – подбородок её предательски дрогнул. «Ну, – оживился Кирилл, – отличный подарок, он же у тебя того – рыбак – каждые выходные с мужиками на рыбалку!»

И тут Васечкина почувствовала, что её прорвало – лежит на этой чёртовой скамье, смотрит на штангу, на нависающего над ней Кирилла, а глупые слёзы сами молча текут по щекам, затекают в уши, и от этого вся ситуация кажется какой-то вдвойне абсурдной, стыдной и нелепой. «Ну?!! – занервничал Кирилл. – Ему что, не понравились блёсны? Или твой муж что-то другое хотел? Да что ты ревёшь-то, мать, ну говори же?» – и навис над ней ещё ниже.

«Что это? – всхлипнула Васечкина и посмотрела на него невидящим взглядом. – Кирилл, он спросил меня, что это?!!»

Кирилл

Кирилл, поигрывая мускулами и улыбаясь самой очаровательной из огромного ассортимента своих улыбок, показывал тренажёры новой яркой, как тропические бабочки, стайке девушек в соблазнительных боди и модных кроссовочках, клятвенно обещая потом выполнять любые их капризы, если они станут постоянными клиентками клуба – нет, девочки, не просто клиентками, только vip, то есть владелицами платиновых карт: сделать более удобными раздевалки, починить все тренажёры и смесители в душевых, купить новые коврики для гимнастики, ставить музыку потише и даже поменять полотенца на тот цвет, который они выберут – а какой, вам, кстати, нравится цвет, девушки, может этой весной будет хорош голубой, а не жёлтый, как вы думаете? Девушки с энтузиазмом переключились с обсуждения дизайна новых улучшенных раздевалок на спор, какой оттенок голубого лучше подойдёт для полотенца клуба и Кириллу оставалось только очень мило улыбаться, то приобнимая за талию одну и другую, то ободряюще похлопывая по попе третью.

Кирилл знал, что абсолютно ничем не рискует – в каждом фитнес-центре есть любимая категория клиентов, которые покупают годовой абонемент в клуб (а вот убедить этих клиентов, что им необходимо купить именно годовой абонемент на весь комплекс услуг – и есть главная задача Кирилл

ла) и не ходят. То есть мечта каждого владельца, конечно, когда выручка – как от переполненного клуба, где все занимаются друг у друга на головах в три слоя, а по факту залы, бассейн, сауны и массажные кабинеты стоят пустые: так и дорогое оборудование меньше изнашивается, и персонала нужно меньше, а пустой фитнес-клуб, в отличие от ночного развлекательного, привлекает больше новых клиентов, чем набитый под завязку – такова уж специфика.

Ну а когда клиенты-однодневки следующей весной решат снова взяться за себя, то не работать по естественным причинам будут другие тренажёры и другие смесители (буквально только вчера сломались, ну), полотенца будут поменяны на партию другого цвета (из простых соображений – чтоб персонал не таскал новые домой, выдавая клиентам затёртые прошлогодние, в обороте всегда должно быть определённое количество полотенец одного цвета), а неудобные раздевалки – так ой, ну вы же не ходили, а других – спросите сами – всё устраивает, годами к нам ходят уже. Старые клиенты, кстати, тоже быстро просекают, что лучше терпеть некоторые неудобства в раздевалке и душе, чем заниматься в переполненном зале среди гламурных няш с айфонами, которые в своём порыве наделать как можно больше фотографий в стиле #янаспорте могут выложить и их красные и потные от напряжения рожи в свой гламурный инстаграмчик. А вот не всем нужна такая слава, не всем – кисули-то в зал только фотографироваться, да понтоваться ходят – они при пол-

ном параде, с макияжем и укладкой, слишком уж будет велик контраст.

Наконец, шумная и яркая стайка этих бабочек-однодневок, купив-таки каждая по платиновой карте клуба, выпорхнули из зала (Ну ведь мы уже клиенты, нам уже же можно? – Девушки, вам – всё можно!): в центре столько ещё мест для эффектных селфи, не торчат же целый час в одном спортзале, в самом деле.

Кирилл с облегчением вздохнул и оглянулся по сторонам – мало ли, может ещё кому нужна его профессиональная помощь или мужское внимание, но нет – в зале остались несколько постоянных клиентов, которые ходят заниматься, а не понтоваться, и большинство из них, к большому сожалению Кирилла, берут бесплатных тренеров с собой в мобильниках. Ну да, занимаются по видео-программам с ютюба. И ведь ничего не сделаешь – клуб может запретить разговоры по телефону в зале, а на то, что смотрят или слушают занимающиеся спортом люди, повлиять нельзя. Столько денег мимо кассы!

Хорошее настроение сразу как-то немного испортилось, и Кирилл направился к выходу. Там, у огромного зеркала с крайне озадаченным видом гипнотизировала своё отражение его постоянная клиентка Васечкина (дурацкая какая-то фамилия – Васечкина, совсем ей не идёт, почему-то пронеслось в голове). Классная, кстати, девица, но странная немного – поначалу Кирилл принял её за одну из таких ярких ба-

бочек-однодневок, которые покупают вип-абонемент в клуб как идеальное алиби для мужа. Муж: где была? Жена: в клубе же, у меня там спорт, бассейн, инфракрасная сауна, массаж, потом на маникюр забежала и чай с девочками попила. Сама в это время с любовником. В принципе, не особо ведь и врут девки-то: и спорт там, и массаж, и чай для восстановления сил – хмыкнул про себя Кирилл.

Но Васечкина не такая: Васечкина честно брала программу и честно выкладывалась на все сто – и так вполне себе стройная, сейчас она стала похожа на дикого арабского скакуна, потому что точно так же состояла из одних жил под плотно натянутой кожей, но ради чего столько стараний, было не понятно – она ведь даже на конкурс бикинисток никогда не собиралась заявляться, зачем тогда так надрываться?.. И тут вдруг раз – стоит у зеркала вместо тренировки, гипнотизирует жопу!

Здрасьте, – удивился тренер, – эта-то вроде адекватная была. Вернее – нет, не адекватная, но из другой категории: занимается, как сумасшедшая, как шутят в их центре про таких – «на все деньги». «Тааааак, и чо мы тут красуемся стоим? Кардио закончила – бегом на силовые!» – скомандовал Кирилл. Девушка оглянулась в его сторону, посмотрела каким-то невидящим взглядом куда-то сквозь него, потом странно улыбнулась и поплелась к штанге. Легла под штангу, ухватилась за гриф, подняла глаза на приготовившегося страховать Кирилла... Слезы наполнили озёра её глубоких

светло-серых глаз, сделав их ещё прозрачнее, постояли там немного и, подумав, вдруг вышли из берегов, полились горными ручьями по склонам щёк, прямо в уши...

Блёсны

Васечкина сидела на уютной Иркиной кухне, вяло ковыряла вилкой какой-то странный десерт... «Да ты ешь, ешь, не бойся, у меня вся еда диетическая, даже в конфитюре ноль калорий!» – как-то слишком суетилась лучшая подруга, колдуя над каким-то очередным кулинарным шедевром спиной к Васечкиной. Их кофе давно остыл, Васечкиной хотелось выпить чего-нибудь покрепче, поговорить с любимой подружкой про мужиков – козлы они или не очень, пореветь, поржать, съездить потанцевать куда-нибудь в клубешник, снять там каких-нибудь совсем молоденьких дьявольски красивых мальчиков, завалиться к Ирке, сидеть на кухне, пить, курить, варить пельмени, ржать и болтать о всяких глупостях, оттягивая неизбежное, разойтись по разным спальням, пробовать на вкус чужую кожу, совсем не спать, утром выпроводить своих кавалеров, валяться с Иркой на полу, смотреть фотки в инстаграме, обняться, помолчать...

Как раньше. Васечкиной очень хотелось, чтоб всё вдруг стало, как десять лет назад, но Ирка колдует над очередным бескалорийным конфитюром: фруктовый чай, подсластитель, загуститель, ароматизатор, идентичный натуральному, натуральный краситель, регулятор кислотности, для красоты – горсть каких-нибудь ягод или листья мяты... Кра-

сиво. Только как-то абсолютно бессмысленно. Зато Ирка худющая без всяких залов. Высохла вся, как сухофрукт.

Сухофруктом Ирку прозвал муж Васечкиной – не любит её за что-то, запрещает видеться с ней, но Васечкина же сейчас как будто в зале, на тренировках, просто так получилось – очень глупо – расплакалась вдруг, как дура ни с того, ни с сего, тренер отправил её домой. А зачем ей домой? Там такая звенящая тишина, что даже музыка не спасает... Позвонила вот Ирке, а она всё химичит, никак от своих колбочек да пакетиков не оторвётся...

«Ир, пока ты тут готовишь, я выйду на балкон, подышу? Ты крикни, когда освободишься для меня, ладно?» – «Иди, конечно, я только по баночкам разолью – ну глянь, какая красота получается! Подаришь своему Кириллу, он у вас такой красавчик, ты не думала с ним замутить?» – вдруг проявила Ирка хоть какой-то интерес к её персоне, – «Не думала», – мрачно отмахнулась Васечкина и открыла балконную дверь. Февральский ветер швырнул в лицо колючим холодным ветром, но именно этого Васечкиной сейчас и было нужно – выдох, вдох, выдох, остудить голову, сердце, мысли... Подумать... Успокоиться. Васечкина прислонилась к стене, закрыла глаза...

«Идёшь ты или нет, сумасшедшая? Замёрзнешь там совсем, иди скорей, кофе готов, коньяк на столе, лимон тоже!» – донёсся откуда-то издали Иркин голос. Васечкина открыла глаза, с трудом возвращаясь в реальность, по-

чувствовала, что замёрзла. Зябко поёжившись, уже взялась за ручку балконной двери, как боковым зрением увидела что-то, что поселило в её сердце какую-то смутную тревогу.

Васечкина повернулась в сторону объекта тревоги. Им оказалась спортивная сумка, показавшаяся очень знакомой. Спортивная сумка. Спортивная сумка??? У Ирки, которая никогда в жизни не занималась никаким спортом? Сердце бешено забилося где-то в горле. Васечкина нервно сглотнула, смахнула с сумки свежий снег, дрожащими руками медленно потянула за язычок молнии... В вечернем полумраке февраля, радуясь долгожданной свободе, блеснули, отражая огни большого города, они.

Новые, японские, безумно дорогие.

Блёсны.

Голубое небо февраля

Алёнка никогда не любила зиму, но эта зима стала в её жизни особенной... «Спасибо!» – бросилась она на шею старой докторице, много повидавшей разных судеб, и уже не дававшей никакого эмоционального отклика ни на бурную радость, ни на горькие слёзы: сегодня они тут с радостью, завтра – со слезами, а послезавтра – всё наоборот... «Спасибо!» – прокричала Алёнка контрольным выстрелом, выскакивая из дверей, будто ученица, чудом получившая «автомат» вместо сдачи трудного зачёта... «Спаааа-сииии-бо-оо!» – кричала эта ненормальная прямо в бездонно-голубое небо февраля.

«Сумасшедшая», – покачала головой опытная врач. «Счастливая», – с улыбкой глядя в окно, поправила её юная медсестричка: там, за окном, их недавняя пациентка на девственно чистом снегу больничного парка вытоптала сердце, упала в него спиной, сделав снежного ангела, и теперь кричала что-то радостно то ли богу, то ли кому-то в телефоне, на который пилила селфи из своего счастливого сугроба.

«Он мой теперь, девочки, он теперь точно мой! Теперь никто нам не помешает, никто не разлучит, никто не встанет на нашем пути! Во мне живёт его часть, его плоть и кровь, у нас будет ребёнок, у меня будет его ребёнок, девочки! Спасибо, боженька, спасибо, небо, спасибо, зима! Спаааа-

сииии-бооо!» – кричала восторженная Лёля в конференцию осторожно молчавшим подружкам – им Алёнкина бурная радость казалась несколько преждевременной: беременность в шестнадцать – это не в тридцать шесть, когда уже все радуются и поздравляют без лишних вопросов. А что скажет Алёнкина мама? А этот её взрослый кавалер не отвезёт ли Лёльку на своей красивой машине завтра на аборт.

А Алёнка не сомневалась ни секунды: её Владик, конечно, сразу бросит свою старую кобылу, так и не собравшуюся ему родить за много лет семейной жизни. Вот она, Алёнка, нарожает своему любимому целую кучу детей. У них будет большая-большая семья. И жить теперь Алёнка будет не в маминой уютной, но по современным меркам очень скромной двушке, а в большом красивом доме с панорамными окнами на залив, в настоящем камине по вечерам будет играть живое пламя, а сосны во дворе будут слегка поскрипывать, качаясь – Лёлька была однажды с Владом в его новом доме и сразу решила, что это она, а не его нынешняя действующая жена будет спускаться утром босиком по красивой деревянной лестнице, согретой тёплыми солнечными лучами из огромного окна, из спальни к завтраку... Это она, Лёлька, будет смотреть год за годом из кухни в окно, как её Влад сидит на берегу с удочкой – сначала один, потом с ребяташками... Это она, Лёлька заведёт в этом доме и кошку, и собаку – надо ж будет кому-то скармливать улов...

Ой, надо и сумку с балкона забрать.

Воздуха!

«Идёшь ты или нет, сумасшедшая? Замёрзнешь там совсем, иди скорей, кофе готов, коньяк на столе, лимон тоже!» – крикнула Ирка с кухни Васе, но та не отзывалась, поэтому пришлось самой пойти на балкон за любимой подружкой. Та сидела на корточках перед раскрытой спортивной сумкой, давно валявшейся на этом чёртовом балконе и, кажется, беззвучно плакала.

«Вась, Ваааааась, ну Василиса, девочка моя, ты что? Что стряслось у тебя, почему ты плачешь?» – гладила подружку по спине и волосам обалдевшая Ирка, а та только плакала всё горше и горше. Наконец, Вася проплакалась, подняла свои небесные глаза на Ирку и почти спокойно спросила, указывая на раскрытую сумку: «Что это, Ир? Вот просто ответь мне, пожалуйста, как подруга подруге – что это?!!»

Ирка посмотрела туда, куда так строго указывал Васин указующий перст. Там на чём-то камуфляжном лежала небольшая пластиковая коробочка с красиво сверкающими в свете вечерних фонарей яркими блестяшками. Ирка осторожно заглянула в сумку: «Да, Вася, я вообще не в курсе! И сумка эта – не моя, откуда мне знать вообще, что это?!!»

«Что это? Что это?!!» – взвилась вдруг Вася и, оттолкнув ничего не понимающую подругу, выскочила в коридор. «Ты не знаешь, что это?» – спрашивала она, натягивая ле-

вый сапог. «А это – блёсны!» – сама же отвечала она повисшей в воздухе напряжённой тишине, обувая правый. «Блёсны! Новые! Японские!» – чеканила Василиса, влетая в пуховик. «Очень дорогие, между прочим!» – продолжала, хватая с вешалки в прихожей шарф и шапку.

«А знаешь, откуда я знаю, знаешь?!!» – уже у порога строго спросила она Ирку. «Откуда?» – совершенно ничего не понимая, искренне поинтересовалась хозяйка дома.

«А я их сама покупала», – глядя на только что бывшую любимую подружку так, будто перед ней стоит сейчас заклятый враг, отчеканила Василиса.

«Для любимого мужа, между прочим», – с горькой ухмылкой добавила она и зацокала каблучками по ступенькам, не в силах оставаться здесь больше и секунды – никакого лифта, никаких людей, дверей и помещений – скорее на холодный зимний воздух, вон из этого дома, из этой дружбы, этой жизни... Воздуха!..

Отличная новость

«Очень-очень хочу тебя видеть, у меня отличная новость!» – написала Алёнка в ватсапе любимому – Влад очень не любил, когда она звонила, да и не говорить же такую радостную новость по телефону: так хочется видеть, как глаза возлюбленного засияют от счастья, когда она его порадует, а ещё Владик подхватит Алёнку на руки, закружит её и унесёт в их новую и счастливую жизнь...

«Хорошо, в нашей „Мармеладнице“ сегодня, в восемь», – сухо ответил Влад. Ох уж эти мужчины, – подумала Алёнка с какой-то незнакомой ей до этого тёплой нежностью, – всё-то у них какие-то дела и заботы, бизнесы, проекты, совещания, и совершенно некогда найти минутку, чтоб поворковать с любимой девушкой.

Отметим в скобках, что ещё не так давно этот же мужчина находил где-то кучу времени на то, чтоб не только поболтать с юной прелестницей по телефону, но и видеться с ней не только в выходные, но какое-то неуловимое напряжение между ними уже не только не позволяло Алёнке капризно топтать ножкой, требуя к себе ещё больше внимания, а вообще заставляло включать пресловутую «женскую мудрость», но сегодня у неё в рукаве был припрятан такой козырь, что Алёна только блаженно жмурилась, подставляя нос снежным пушистым хлопьям: «Он мой теперь, он теперь точно мой!

Теперь никто нам не помешает, никто не разлучит, никто не встанет на нашем пути! Во мне живёт его часть, его плоть и кровь, у нас будет ребёнок, у меня будет его ребёнок! Спасибо, боженька, спасибо, небо, спасибо, зима! Спаааа-сииии-бооо!»

До восьми вечера времени ещё вагон и маленькая тележка, у подружек какие-то свои, детские дела и заботы (это у Алёнки теперь наступит взрослая, счастливая и богатая жизнь!), и девушка направилась домой – отдохнуть, принять тёплую ванну с аромамаслами и намарафетиться как следует перед важным свиданием с Владом: он должен видеть, что именно Алёна – лучшая женщина всей его жизни. Пусть пока и не единственная, но это теперь такие пустяки.

Выйдя из бесконечно медленного лифта, Алёнка обомлела: дверь их с мамой квартиры была незакрыта, и из неё отчётливо пахло табачным дымом. Девушка в нерешительности постояла перед дверью. Прислушалась. Из квартиры не доносилось никаких звуков. «Мама, мамочка, надеюсь, с тобой всё нормально, мамочка, не пугай меня, пожалуйста», – бормотала под нос побледневшая девушка, вытягивая из рукава пуховичка рукав свитера, чтоб взяться за дверную ручку (если здесь побывали преступники – надо, чтоб остались их отпечатки пальцев, а не Алёнкины!).

В прихожей никаких следов преступления не наблюдалось, трупов, слава богу, тоже, а вот из комнаты веяло стран-

ным холодом, и Алёнка, не разуваясь и не раздеваясь, на цыпочках прошла в зал. Шторы были сдвинуты и красиво развевались на ветру – кто-то открыл балкон и почему-то так и оставил, а февральская выюга уже пыталась зайти в гостеприимно распахнутую дверь.

«Ох, мама, мама, надеюсь, это ты со своими медитациями», – прошептала встревоженная не на шутку девушка и шагнула к балкону (Алёнкина мама годами отстаивала своё право иметь «нормальный человеческий открытый балкон, чтоб можно было в любой время дня и ночи прикоснуться к природе, а не продолжение квартиры для хранения всякого хлама»), увидела на свежем снегу следы нескольких человек, открытую спортивную сумку, забытую тут вот уже как несколько месяцев (Кто и что в ней искал? Хоть бы это не грабители!) и, быстро и неловко помолясь, осторожно заглянула с балкона вниз. К огромному Алёнкиному облегчению, там, внизу, не было ни трупов, ни каких-либо следов какой-нибудь трагедии: пышные февральские сугробы под окнами были привычно украшены только окурками, но в целом стояли в целости и сохранности.

«Ой, надо ж и сумку с балкона забрать», – вспомнила снова Алёна, но сначала решила проверить, что в ней, а то мало ли – искали же в ней что-то. Заглянув в неё осторожно, чтоб не нарушить хозяйского порядка: карманы абсолютно пустые, двойного дна нет, в самой сумке какая-то как будто форменная одежда, что-то типа бельёвого трикотажа серо-

го цвета, носки, перчатки, шапка, продолговатая штучовина непонятного назначения, а в самом верху – прозрачная коробочка с цветными штучовинами. «Что это за набор юного киллера?» – вслух подумала Алёнка и зябко поёжилась – то ли от пронизывающего февральского ветра, то ли от собственной ужасной догадки.

Девушка взяла из сумки коробочку с красивыми стильными штучками, похожими на крупные дизайнерские серьги – очень уж они контрастировали с остальным камуфляжно-серым содержимым этой странной сумки. Если это и правда что-то плохое, она должна об этом знать! На обратной стороне коробочки были какие-то иероглифы и наклейка с русским переводом: «Блэсны спиннербейт. Производство Япония. Поставщик «АО Рыбак Рыбака».

«Фффух, да это ж для рыбалки!» – выдохнула с облегчением Алёнка, бросила коробочку с яркими рыбными приманками обратно в сумку, деловито застегнула молнию. И повесила сумку на плечо – надо занести её к себе в комнату, а то так и пролежит здесь на балконе, всеми забытая. Алёнка закрыла балкон, поправила шторы и снова ощутила в квартире запах табака и висящей в воздухе тревоги.

Забыв про сумку, девушка прошла на кухню и замерла в оцепенении: на обеденном столе стояли угощения – мамы бескалорийные десерты, тарелка с мясной нарезкой, коньяк, лимон, а сама мама – её ни разу в жизни не курившая мама! – сидела на полу, глядела в пустоту и курила. Стол был

красиво сервирован на двоих, но вызывал всем своим видом не радость, а тоску – будто драгоценный гость, которого сегодня очень ждали, так и не пришёл.

«Мама, мамочка, что с тобой, родная? С тобой всё хорошо?» – бросилась Алёнка к матери. «Со мной? Всё. А с тобой?» – как-то очень холодно-отстранённо, глядя будто мимо дочери, спросила мать. «И со мной в порядке», – машинально ответила Алёнка, – «Мам, у тебя точно всё хорошо? Почему ты на полу сидишь? Вставай, родная, ты же простудишься! И перестань курить, ты же не куришь!» – Алёнка вырвала из пальцев матери сигарету (судя по полному окурков блюдцу рядом с ней на полу – уже не первую) и попыталась помочь женщине встать. Та без всякого сопротивления встала и, оглянувшись, снова села, но уже на стул. «Мама, что случилось, скажи, не молчи! Почему дверь открыта? Почему балкон? Где ты сигареты эти взяла?!» – допытывалась Алёна. Впервые в жизни она видела свою мать в таком состоянии. «В сумке», – ответила та только на последний из поставленных вопросов и, всё так же глядя куда-то сквозь Алёнку, указала на злосчастную сумку на плече дочери.

«В ээээтой?» – удивилась Алёна, – «А зачем ты там ползала? Что ты в ней искала? Разве можно вообще рыться в чужих вещах?» Алёна явно была поражена и ошарашена: у них с мамой всегда были доверительные отношения – мама никогда не лезла ни в личные вещи дочери, ни в душу без осо-

бого запроса, и этот обыск очень выходил за рамки их нормы.

«Сама не знаю, что искала, Алён, но ты должна мне честно признаться, чья это сумка и что она у нас делает!» – взгляд матери, наконец, стал, хоть и строгим, но зато живым и осмысленным и Алёнка даже испытала некоторое облегчение: сейчас она всё объяснит и мама, наконец, успокоится, а то, наверное, надумала себе там тоже, найдя непонятные вещицы и странный камуфляж.

Алёнка хитро улыбнулась: «Ой, мааааааааам, я сейчас тебе такое расскажу – ты обалдеешь! Коньяк можешь убирать, а всё остальное мы с тобой сейчас под кофе слопаем. Ставь новый, я пойду разденусь, да хоть руки вымою. У меня такие новости, такие новости, мам! Счас всё расскажу!».

«Маленькие детки – маленькие бедки...», – будто сама себе проворчала под нос озабоченная мать, пока её красивая взрослая дочь вдруг пятилетней девчонкой ускакала переодеваться, но так поставила на огонь вариться в турке новый кофе, убрала в холодильник бутылку початого коньяка, повертела в руках бокалы с налитым уже алкоголем и, немного подумав, залпом опустошила один бокал. В груди немного потеплело и одновременно будто немного полегчало и на душе. Посмотрев на свой безуглеводный стол, женщина решительно открыла холодильник, достала оттуда булку, йогурт, сыр и томат-пасту и соорудила что-то вроде мини-пицц ассорти с мясной нарезкой, что была на столе. Па-

ра минут в микроволновке – и вот горячая и давно забытая студенческая закуска готова.

Вместе с последним пиком микроволновки в кухню прибежала и Алёнка: «А чем это у нас так вкусно пахнет?!!» Увидев горячие бутерброды, девушка развеселилась: «Ну, мам, у тебя сегодня просто разврат и содомия: и сигареты, и хлеб, и майонез! А майонез ты где взяла? Тоже в той же сумке?» «Нигде я его не взяла, – не поддержала шутку мать, – это йогурт. Рассказывай давай свои новости, слушаю тебя очень внимательно, дочь».

Алёнка, дожевав кусок горячего бутерброда, торжественно встала, взяла чашку с кофе так, будто это бокал грузинского вина, а она – тамада на большой кавказской свадьбе: «Дорогие гости, прошу поднять ваши бокалы, потому что за такую новость надо обязательно выпить! Ну мам, ну чё ты со своим кофе, ты можешь выпить за меня, когда я тебя прошу?» – «Не, дочь, я пока кофе, хочу остаться пока в здравом уме и трезвой памяти, а то мало ли... И можно не вставать?» – «Сиди, сиди, – милостиво разрешила дочь, – а то и правда, мало ли!» И, немного, помявшись, торжественно объявила: «Мам, я замуж выхожу!» И, пока мать глотала воздух от удивления, добила её окончательно: «Я беременна. Уже четыре месяца, мам!»

Ошеломлённая женщина отставила свой кофе, посмотрела на второй бокал коньяка – ну вот и пригодился! – и залпом осушила его.

Ты беременна.

И выходишь замуж.

В шестнадцать лет.

Отличная новость.

Случайная встреча

В «Мармеладницу» в назначенное время Влад к Алёнке почему-то не пришёл, написал, что перезвонит ей позже, как сможет, и, чтоб не сильно расстраивалась, кинул денег на карту, мол, позови своих подружек и развлекитесь там как-нибудь сами.

Девушка взяла себе кофе и десерт в надежде, что любимый всё-таки быстро решит свои дела и вырвется к своей девочке, но подружкам-веселушкам своим всё-таки написала: деньги есть, время есть, тогда почему бы и не отметить начало её новой прекрасной жизни со своими лучшими подружками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.